

**Джохадзе И. Брэндом о Гегеле:
опыт аналитического прочтения
«Феноменологии духа».**

М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2021. 224 с.

Для цитирования: Логинов Е.В. Рец. на кн.: Джохадзе И. Брэндом о Гегеле: опыт аналитического прочтения // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 409–413.

For citation: Loginov, E.V. “Rets. na kn.: Dzhokhadze I. Brendom o Gegele: opyt analiticheskogo prochteniya” [Review: Dzhokhadze I. Brandom’s Hegel: An Analytical Reading of the Phenomenology of Spirit], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 409–413. (In Russian)

Новая книга Игоря Джохадзе посвящена одному конкретному аспекту творчества Роберта Брэндома – его неопрагматистскому истолкованию «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля. Эту работу можно считать некоторым дополнением к книге Джохадзе «Аналитический прагматизм Роберта Брэндома» (2015).

Брэндом – один из самых заметных современных философов, системостроитель и человек, который пытается быть наследником одновременно прагматизма, зрелой аналитической философии второй половины прошлого века и немецкого метафизического идеализма. Такое сочетание действительно провоцирует интерес: одним покажется странным в наш век почти победившего физикализма быть всерьез очарованным идеалистическими системами; другим будет неясно, как после Голгофы духа можно без иронии смотреть на попытки американских

профессоров разобраться отдельно в истине, отдельно в значении, отдельно в сознании и т.п. Чтобы выяснить, как такое сочетание возможно внутри творчества Брэндома, вполне разумно обращаться не только к его собственно теоретическим работам, но и к историко-философским трудам. Благо свою философию Брэндом действительно пытается подпитывать не только историческими упоминаниями (как это порой делает его коллега по т.н. «аналитическому гегельянству» Дж. Макдауэлл), а предлагает некоторые развернутые толкования крупных явлений в истории западноевропейской философии. В данном случае он обратился к «Феноменологии духа», результатом чего стала работа «A Spirit of Trust: A Reading of Hegel's Phenomenology» (2019). Это фундаментальное исследование и находится в центре внимания Джохадзе в рецензируемой книге.

Можно ли говорить о том, Брэндом явил нам новое слово в гегелеведении? Нет, считает Джохадзе. Прочтение, которое предлагает нам Брэндом, является чуть ли не намеренно аисторичным. Ему важно не найти истину относительно того, что думал Гегель о том-то и том-то (что должно быть целью гегелеведа), а важно понять, что мы можем сделать с Гегелем сегодня. Честно говоря, порой при знакомстве с гегелевыми штудиями Брэндома появляется ощущение, – особенно на фоне его основных работ, таких как «Make It Explicit» (1994), – что он чуть ли не шутит. В 2002 г. он обратился к наследию Гегеля в сборнике свободных историко-философских эссе «Tales of the Mighty Dead», а в 2008 г. опубликовал *рецензию* на «Феноменологию духа», в которой он сообщил англоязычной публике о работе ранее неизвестного йенского философа Георга Гегеля, удивительным образом предвосхитившего послевоенный холизм в аналитической философии. С другой стороны, довольно трудно примирить оценку Брэндома как человека, который недопустимо несерьезно относится к наследию Гегеля, с тем фактом, что в «A Spirit of Trust» более восьми сотен страниц плотного текста. Книга Джохадзе позволяет нам подступить к этому кажущемуся противоречию между чуть ли не юмористическим настроем Брэндома и фундаментальностью его работы. Каким предстает нам Гегель в джохадзовой интерпретации работы Брэндома?

Прежде всего, это идеалист в метафизике, но реалист в теории познания: разум не создает реальность, он ее конструирует и репрезентирует. При этом некоторые части реальности невозможны, если имеют место некоторые другие части реальности. Например, моя чашка не может быть синей, если она уже белая (в одном и том же смысле, в одном и то же отношении, разумеется). А это говорит нам о том, что сама реальность как таковая имеет концептуальную природу.

Как и англоязычные «гегельянцы» прошлого, такие как Брэдли, Брэндом прилагает усилия, чтобы не казаться при этом утверждением психологистом и берклианцем. Впрочем, как показал юный Дж.Э. Мур, Брэдли как раз не смог последовательно держаться антипсихологизма. Брэндом считает, что он избегает этой участи. В частности, насколько я понимаю, он считает так как раз потому, что полагается на раннюю аналитическую философию, но не на Мура, а на Фреге. Гегелевское различие явление/реальность Брэндом призывает понимать как фрегевское различие смысла/значения. То, что есть для сознания, есть смысл; то, что дано в этом смысле, есть значение, или реальность. Это, мне кажется, продуктивная и интересная аналогия, однако, она сама не может заставить познание работать. Нужна структура, в рамках которой мы будем взаимодействовать со смыслами, выяснять, на какие значения они указывают. Эта структура является центром ранней философии Гегеля, считает Брэндом.

Речь идет о теме борьбы за признание, которая стала знаменитой благодаря популярности пассажа про раба и господина. Конечно, после французского гегельянства XX в. в этом суждении нет ничего нового, однако Брэндом все же вносит свою лепту в историю этого сюжета: он увязывает известные рассуждения Гегеля про признание с прагматистским фаллибилизмом и антифундаментализмом, и распространяет логику этой образа на все познание. Поскольку у нас нет права полагаться на чувственную достоверность, мы должны довериться тому, как наше познание растворено в социальных практиках, главным механизмом которых является как раз признание, которое существенно у Гегеля для самосознания.

На мой взгляд, крайне рискованно распространять образ, который в феноменологическом рассмотрении выступил как

момент довольно незрелого самосознания, в качестве основания для общества, которое относится к сфере объективного духа. Внутри гегелевской мысли как таковой, насколько я ее понимаю, то, что делает Брэндом, невозможно. Мало того, что тут смешиваются разные ее уровни. Так и внутри уровня самосознания дело вовсе не обстоит так мило, как описывает Брэндом, – борьба за признание есть именно что *борьба*, это вовсе не журнальная полемика между уважаемыми людьми, как это получается у Брэндома¹. Я также не уверен соответствует ли то, что он говорит о признании и сообществе, прагматизму. Насколько я понимаю роль признания сообществом у Пирса, дело не обстоит таким образом, что то, что вытребовало себе всеобщее признание, и есть действительно истинное. Объяснение идет с другой стороны: то, что есть действительно истинное, рано или поздно получит признание сообщества. Впрочем, разумеется, Брэндом вправе не считаться с этими особенностями идей Гегеля и Пирса. Однако когда он говорит, что дух Гегеля есть «сумма самосознаний», которые друг друга признают, трудно удержаться от вопроса о том, действительно ли это *толкование* Гегеля хотя бы каком-то смысле?

В этом контексте интересен спор Брэндома с Макдауэллом, который приводит Джохадзе. Макдауэлл считает, что в «диалектике раба и господина» речь идет про одного индивида, в котором выделяются два модуса: рабский и господский. Брэндом возражает, что тут не учтена интересубъективная природа рациональности: познание сущностно социально. Это действительно интересный спор, однако, мне кажется, он все же лишь косвенно касается Гегеля. «Феноменология духа» частично построена на игре между точкой зрения философа, который уже прошел феноменологический путь, и точкой зрения духа в каждом конкретном моменте. Для духа на уровне «диалектики» господства и рабства действительно есть два самосознания, но из перспективы философа мы видим, что все время дух был

¹ Конечно, ученый порой ставит очень многое на свои научные убеждения. Но говорить, что современный научный работник всегда, главным образом или в основном борется за признание так, как это описано у Гегеля в пассаже про раба и господина, кажется, все же чрезмерно.

един. Я не хочу сказать, что феноменологический путь не мог бы быть иным, это отдельный большой вопрос. Но я действительно думаю, что тот путь, который описывает Гегель, лишь отдаленно напоминает то, о чем говорит Брэндом. И Джохадзе это убедительно показывает². Он считает, что Брэндом «перескакивает» через целые главы и разделы «Феноменологии духа» – и это действительно так. А между тем, работа Гегеля – это введение в систему науки, а вовсе не собрание остроумных наблюдений. Такой метод толкования, пожалуй, до некоторой степени был бы уместен применительно, например, к «Опыту» Локка, но в отношении к Гегелю он дает странные результаты.

Впрочем, такие странные интерпретации в истории философии в итоге порой оказываются продуктивны, что очевидно на примере, скажем, творчества А. Кожева. Проблема, однако, кажется, в том, что Кожев, оригинально истолковав Гегеля, дал европейской философии новые темы. Брэндом же пытается показать, – в духе своей шуточной рецензии на Гегеля – что Гегель говорит о том же, что и аналитические философы. Но что так понятый Гегель может добавить к тому, что аналитические философы уже знают? Неясно. Джохадзе говорит, что рассмотрение Брэндомом Гегеля прежде всего помогает нам понять самого Брэндома. Но в чем? Это осталось для меня непонятным.

*Евгений Владимирович Логинов,
философский факультет МГУ
имени М.В. Ломоносова*

² Любопытно, что в последние годы второго десятилетия текущего века тема признания в связи с Гегелем получила развитие не только в аналитическом прагматизме Брэндома, который от аналитической философии идет к континентальной, но и у Резы Негарестани в работе «Intelligence and Spirit» (2018), которую можно, с определенной точки зрения, рассматривать как попытку с глубоко «континентальной» стороны зайти на «территорию» аналитических философов.